

реув и в своем рассказе «Елеазар» (1908) Андреев продолжает свои раздумья о роковом значении смерти, о возможных пределах приближения к ней человека. В этом произведении он более определенно сформулирует мысль, которая уже ощущалась и в «Губернаторе», и в «Елеазаре». Содержание ее сводится к тому, что никому не позволено и не должно быть позволено нарушать основной закон жизни — приоткрывать завесу над тайной смерти, точно обозначать время прихода и наступления ее (т. е. как раз то, о чем говорил Л. Толстой: «полное знание» будущего «исключило бы возможность жизни»). Один из героев этого рассказа, министр, узнающий день и час, в который на него должно быть совершено покушение, приходит к выводу;

«Не смерть страшна, а знание ее; и было бы совсем невозможно жить, если бы человек мог вполне точно и определенно знать день и час, когда умрет <...>

Дураки, они не знали, какой великий закон они свернули с места, какую дыру открыли, когда сказали с этой своею идиотской любезностью: „В час дня, ваше превосходительство“ <...>

И с внезапной острой тоскою в сердце он понял, что не будет ему ни сна, ни покоя, ни радости, пока не пройдет этот проклятый, черный, выхваченный из циферблата час» (А, 2, 71-72).

В «Рассказе о семи повешенных» Андреев попытался выразить свой протест против казней и террора, к которым прибегло царское самодержавие после поражения революции 1905 г. Поясняя замысел рассказа, он заметил: «... хочется крикнуть: не вешай, сволочь!». ⁷⁰

«Ужас казни», в ожидании которой живут его семеро героев, это своего рода беспощадный эксперимент, позволяющий художнику провести, так сказать, последнюю проверку подлинности их взглядов и убеждений (в их ситуации у них нет и не может быть абсолютно никакой надобности притворяться, «играть» какую бы то ни было роль, быть неправдивыми), проверку запаса их человечности, нравственного потенциала, их истинного отношения к ближним, к действительности, к самим себе. Мы видим, что эту проверку выдерживают далеко не все революционеры (несмотря на то что по роду своей деятельности они должны были быть готовы пожертвовать своей жизнью). Губительным оказывается это «точное» знание и для таких «темных» личностей, как Янсон и Цыганок (хотя у них, пожалуй, и человеческого-то почти ничего не осталось). Кстати сказать, эти герои интересуют писателя ничуть не меньше, чем революционеры, ибо именно анализ их переживаний, как представляется ему, как раз и позволяет особенно убедительно и впечатляюще изобразить «потрясение» основ души обреченного на смерть человека, о чем собственно и хотел Андреев (прежде всего и главным образом) поведать в своем произведении: «Велик ужас казни, когда она постигает людей мужественных и честных, виновных лишь в избытке любви и чувства справедливости, — здесь возмущается совесть. Но еще ужаснее

веревка, когда она захлестывает горло людей слабых и темных. И как ни странно покажется это: с меньшей скорбью и страданием я смотрю на казнь революционеров, подобных Вернеру и Мусе, нежели на удушение этих темных, скорбных главою и сердцем убийц — Янсона и Цыганка. Даже последнему, безумному ужасу неотвратимо надвигающейся смерти могут противопоставить: Вернер — свой просвещенный ум и закаленную волю, Муся — свою чистоту и безгрешность... а чем могут отозваться слабые и грешные, как не безумием, как не глубочайшим потрясением всех основ своей человеческой души» (А, 2, 417).

Итак, почти во всех своих рассказах, в которых Андреев пристально вглядывается в лицо смерти, он неизменно размышляет о жизни. Да, у него немало скорбных и тяжелых наблюдений и обобщений, да, жизнь, воссозданная им, кажется зачастую ничуть не страшнее смерти, и у читателя порой не может не возникнуть ощущения, что он, автор, повсюду и везде видит только смерть. Но она же, смерть, изображение трагически мучительного ожидания ее — это ведь в то же время и суровое напоминание о том, что жизнь должна строиться на каких-то совсем иных началах, более разумных и человеческих, — напоминание не отжившим и отживающим, а тем, кто еще может что-то исправить и поправить, тем, у кого есть будущее. И не случайно так часто у Андреева плачут обреченные герои: они плачут о том великом счастье, которым многие из них, к горчайшему их сожалению, не сумели воспользоваться. И не случайно именно в годы реакции, когда смерть стала «бытовым явлением» (и куда более реальным и страшным, нежели в рассказах Андреева), он напишет М. Горькому: «Вот во мне уже с полгода резко намечается какой-то кризис <...> от старого я отошел, а к новому дороги не знаю <...> Несомненно только одно, что от отрицания жизни я как-то резко поворачиваю сейчас к утверждению ее. И если прежде я думал, что существует только смерть, то теперь начинаю догадываться, что есть только жизнь <...> Если при успехах революции я смотрел мрачно и каркал: так было, так будет, то сейчас, живя в лесу виселиц, я чувствую и радость, и непоколебимую уверенность в победе жизни...». ⁷¹

⁷⁰ Литературное наследство, т. 72, с. 307.

⁷¹ Там же, с. 303—304.